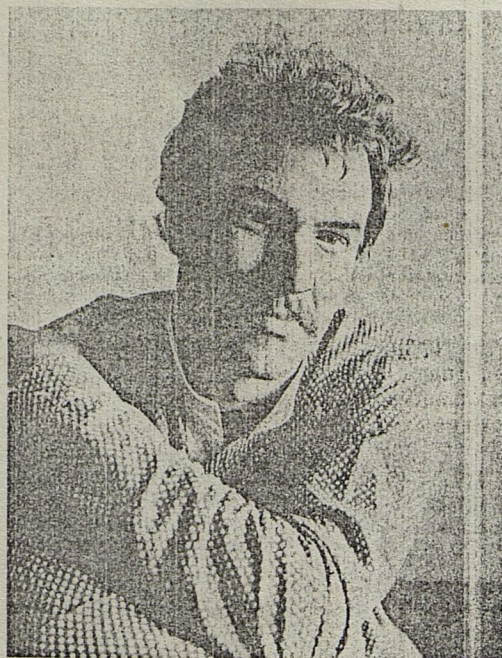

КРУПНЫМ ПЛАНOM

Культура. — 1993. — 25 сент. — С. 8.

В отечественной документалистике произошло приятное событие: на Свердловской киностудии режиссер Сергей Мирошниченко снял фильм, по собственному сценарию «Тамнство брака». Последняя картина, в которой принял участие актер Леонид Оболенский. За десять лет работы в кино Сергей Мирошниченко сделано девять фильмов, среди которых «Госпожа тундра», удостоенная Гран-при фестиваля в Оберхаузене, «А прошлое кажется сном...», получивший «Нику» и Государственную премию России, «Частушка. XX век», завоевавший Главный приз I Всероссийского кинофестиваля документального кино. Новая его работа — серьезный повод для знакомства.

Сергей Мирошниченко:

ЛЮБЛЮ, КОГДА ДРУГИЕ СНИМАЮТ ХОРОШИЕ ФИЛЬМЫ

— Сергей, «Тамнство брака» — фильм о любви!

— По большому счету — да. Только не о физической. О любви на таком уровне, где уже дружат души. Я сам родом с Урала и очень давно знал Оболенского. Он преподавал у нас в Челябинске... У Оболенского было одно редкое качество — этот человек давал людям свет. Оболенский вокруг себя такую атмосферу создавал, что хотелось жить и себя преодолевать. Но еще меня поразила эта девушка, его жена. Странное у меня к ней чувство было: сначала, как и у всех, что она пристроилась за счет старика свои проблемы решать. А потом, когда я узнал ее, — понял, что это очень интересный и необычный человек, и она была ему необходима ничуть не меньше, чем он ей. Он создал вокруг нее любовь, но и она была, как спичка, которой дано было зажечься. Я старался так смонтировать картину, чтобы на экране именно такого порядка отношения высветились.

— Фильм, который в результате получается, — воплоще-

ние замысла или импровизации в процессе работы!

— Я почти сразу выстраиваю картину за монтажным столом. Дальше идут только монтажные сокращения. Я должен в двух или трех местах почувствовать или мурашки по коже, или слезы. Нет этого — не могу работать над этим фильмом. При перезаписи посмотрю копию — и больше свои фильмы не вижу, знаю все ошибки, но исправить их уже не могу. Я верю, что пленка живая. Убираю монтажера, если не чувствую, что через его руки идет добро на пленку. Многие операторы долго со мной не выдерживают. Я должен чувствовать оператора, во время съемок даже держать его за локоть. Мне кажется, все ценное, что есть в моих фильмах, — это не монтаж, не драматургия, а частичка души.

— Бывает ли так, что после съемок герой перестает вас интересовать?

— Да, в какой-то мере. Я всех своих героев люблю, но возвращаться к ним не хочу. Прожил этот этап — пошел дальше. Наверное, это ужасно.

Как любовь: первая, вторая, третья... Жил долгое время с человеком, который потом становится только гостем. И к тому же я немного придумываю героя. В жизни он проще, естественнее. Квадратик экрана героизирует человека.

— Вы сентиментальны...

— Очень. Иногда смотрю кино, особенно шестидесятников, и плачу. Свои фильмы у меня таких эмоций не вызывают. Люблю, когда другие режиссеры снимают хорошие фильмы. А плохое кино меня убивает.

— В творческой биографии многих талантливых людей было много терний. А как вы пришли в кино?

— Во ВГИК я поступил без блат. А вот из ВГИКа меня выкинули без диплома. Я тогда сделал работу, которая не совпадала с общим мнением. «Пережитые были» называлась. Тогда Андропов к власти пришел, и все ожидали «закручивания гаек». Был у меня тогда выбор. Я мог бы пристроиться на ЦСДФ или на ТВ. Я видел, как другие это делали. Поскольку я с Урала, то меня по

распределению направили на Свердловскую киностудию, и там спокойно приняли без диплома. Меня в Свердловске сохранили. Но был один мрачный период: стали заставлять делать заказные ленты с партийными лидерами. Я снял первого секретаря Новосибирского обкома и решил: все, ухожу в фотографии. Но тут в Красноярске открылся филиал, и я уехал еще дальше. Там снял «Госпожу тундру», за которую нам в Оберхаузене Гран-при дали. Стало посвободнее. Люди в Сибири оказались мягче.

— Сейчас вы достигли заветной творческой свободы!

— Я и в институте делал то, что хотел. Всегда искал пространство, где я могу высказать свое мнение, независимое ни от общего течения, ни от вопроса «С кем вы, мастера культуры?». Я вот недавно для фильма отсматривал кинохронику последних десяти лет и видел рядом с Брежневым тех же вожаков, которые сейчас вокруг Президента вытесняются. Я никогда не стану участвовать в общих

мостях. Для того. документального кино, которое у нас было, — это смерть. По драматургии оно, как игровое, — раскрывало характеры. На Западе его называют «независимым» и очень редко снимают. Раньше деньги давало государство. При Горбачеве вообще можно было делать свои вещи за государственные деньги и быть к государству в оппозиции. Сейчас кино ангажируется партиями, меценатами... Значит, оно будет плоским. Отсюда кризис жанра начинается.

— А к международному признанию вы стремитесь?

— Я определил темы, которые хотел бы экранизировать. Если удастся — попробую себя в игровом кино. А «Оскар»... Знаю одного талантливого режиссера, который, когда не получил «Оскара», сказал, что это ему во благо. Меня это порадовало.

— Вы не находите, что неигровое кино у нас несколько обделено вниманием?

— По-моему, внимания к нему почти нет. Вот год или два назад шла по телевидению трансляция номинирования на «Оскар». Там Нерода о себе рассказывала. А в это время в зале сидел Саша Петров, режиссер-мультипликатор, номинант на «Оскара», единственный от России. Скромный, очень обаятельный и талантливый человек. И никто даже слова о нем не сказал. Видимо, это вообще в нашем стиле...

— А с чем связано желание поработать в игровом кино? Документальное имеет свои пределы! Мало зрителей!

— Пределов в документалистике нет. А массового зрителя мы никогда не имеем. Но к «кассовости» я не стремлюсь. Чем меньше зрителей смотрит, тем меньше я переживаю. Кино делаю для себя и своих друзей. Но есть вещи и темы, которые я мог бы сделать только в игровом кино. По-моему, в документальном, к сожалению, нельзя задать жесткую цель. Ты зависишь от живых людей, а не от актеров, зависишь от оператора, который может ошибиться, а переснять уже нельзя. В игровом кино можно придумать ситуацию. Здесь как режиссер ты проявишь себя полностью, и все зависит от тебя.

— А самая большая мечта!

— Не люблю мечтать. Но я был бы счастлив, если бы в России появились законы.

Беседу вел
Т. ФУРМАН.

Фото Н. Самойлова.